

но-ярки... Она молчит, венчанная Камена... // Об Анне Ахматовой: сб. Л., 1990. С. 448; Мистерия // Аврора. 1991. № 2. С. 117–130; Стихи // Новый ж. 1994. № 2–3. С. 92–104.

Переводы: Байрон Дж. Г. Дон-Жуан. Л., 1959; 2-е изд. Л., 1964; Джонсон Б. Варфоломеевская ярмарка. М., 1957; Скотт В. Песнь последнего менестреля (Песни II, IV, VI) // Скотт В. СС: в 20 т. Т. 19. М.; Л., 1965; Шекспир В. Троиц и Крессида // Шекспир В. СС: в 8 т. Т. 5. М., 1959; Шекспир В. Перикл // Там же. Т. 7. М., 1960; Корнель П. Полиевкт // Корнель П. Театр: в 2 т. Т. 1. М., 1984. С. 453–520; Зеров М. [Стихи] // Ой, упало солнце: Из украинской поэзии 20–30-х гг. М., 1991.

Лит.: Эткинд Е. Г. Поэзия и перевод. Л., 1963. С. 214–222; Бен Г. Неуживчивая муза Татьяны Григорьевны Гнедич // Антология новейшей русской поэзии «У Голубой Лагуны»: в 5 т. Т. 2А. Ньютонвилл, 1986. С. 451–463; Кузьминский К. Переводы на тот свет // Там же. С. 465–466; Бетаки В. Гнедич и ее школа // Бетаки В. Русская поэзия за 30 лет: 1950–1980-е гг. Париж, 1987. С. 260–267; Зернова Р. А. Татьяна Григорьевна // Зернова Р. А. Это было при нас. Иерусалим, 1988. С. 99–112; Чуковский К. И. Дон-Жуан // Чуковский К. И. Высокое искусство. М., 1988. С. 218–224; Могилянский А. О «Мистерии» Татьяны Гнедич // Аврора. 1991. № 2. С. 114–116; Запаладов И. Б. «Англичанка» из города муз // Нева. 1992. № 11–12. С. 360–367; Биневиц Е. М. Гулаговский самиздат Татьяны Гнедич // Новый ж. 1994. № 2–3. С. 87–91; Топоров В. Жестяной барабан перевода // Постскриптум. 1996. № 2. С. 295–301; Эткинд Е. Г. Победа духа // Эткинд Е. Г. Записки незаговорщика. Барселонская проза. СПб., 2001. С. 380–387; Усова Г. С. И Байрона в соавторы возьму. Книга о Татьяне Григорьевне Гнедич. СПб., 2003.

Е. А. Павликова, Г. С. Усова

ГНЕДОВ Василиск (настоящие имя и отчество Василий Иванович) [6(18).3.1890, слобода Маньково-Березовская Донецкого окр. Обл. Войска Донского — 5.11.1978, Херсон] — поэт.

Сын царицынского мещанина, очевидно, побывавшего в пастухах (стих. 1966 с «портретами» родителей); мать — из зажиточной крестьянской семьи. В стих., датированном 10 сент. 1973, Г. писал: «Прадед мой был повар крепостной / Бабка была стряпуха у помещика...» — но в автобиографии сказано про прадеда (другого?), имевшего около 10 000 десятин земли (**Собрание стихотворений**. С. 189, 130). Отец и сестра писали стихи. После 4-классного училища Г. — в Ростовском среднетехническом училище (1906–11), техник-механик. Посещал музыкальное училище (1910–11). С конца 1912 в Петербурге. Жил бедно, носил чужие сапоги. Примкнул к эгофутуристам, объединившимся вокруг И. В. Игнатъева после отказа

В. Гнедов

от эгофутуризма И. Северянина, С. С. Грааль-Арельского и Г. В. Иванова. Печатался в 1913–14 и 1918–19: «Триолет» (газ. «Нижегородец». 1913. 15 янв.) — подражание И. Северянину, в изд-ве Игнатъева — книги «Гостинец сентиментам» (4 страницы) и «Смерть искусству» (8 страниц), стихи в альм. «Дары Адонису», «Засахаре кры», «Небокопы», «Развороченные черепа» (все — СПб., 1913), «Иммортели» (М., 1913), затем в сб. «Руконог» (М., 1914); «Поэма начала. (Белое)» — в издании: «Книга великих. Василиск Гнедов и Павел Широков» (СПб., 1914; 8 стр.). Позже — в 4-страничном «Временнике 4-м: Гнедов, Петников, Селегинский, Петровский, Хлебников» (М., 1918), «Газ. футуристов» от 15 марта 1918 и харьковском ж. «Пути творчества» (1919. № 5): всего немногим более 40 стих., в т. ч. 14 однострочных.

Г. был, однако, ключевой фигурой «Ассоциации эгофутуризма» («Интуитивной ассоциации»), в изданиях которой в 1913 была объявлена его не вышедшая книга «Эго-футурналия». Выступления на поэтических вечерах, в артистическом кабаре «Бродячая собака» (здесь 30 нояб. 1913 он спас В. В. Маяковского, чуть не погибшего в потасовке) и т. д. принесли ему скандальную славу, вызвали многочисленные печатные отклики — все фельетонного характера, за исключением статьи Ф. Сологуба «Приземистые судят» (Театр и искусство. 1913. № 7. С. 163). «Приземистый» — кличка, данная всем про-

тивникам поэта-эгофутуриста в самом большом произведении Г., поэме в двусложниковой метризованной прозе **«Зигзаг прямой средьмирный: себе»**, датированной, вероятно, в целях мистификации, 1911 (ряд стих. 1913 Г. датировал 1915, 2549, 1999, 1980 и «38687 г. по Р.Х.»); образы Бездны, Голубящего Камня, противопоставляемые Вечному Ничто, среди основных в эгофутуристической концепции Г. Он переделал в «Зигзаге прямом...» строку стих. Ф. И. Тютчева «Тени сизые смешались...» («Всё во мне, и я во всем!..»): «Все во Мне и Я Мое во Всем». Г. был в «ареопаге» подписавших «Грамоту интуитивной ассоциации» (1913), декларировавшей «непрестанное устремление каждого Эгоиста к достижению возможностей Будущего в Настоящем» и утверждавшей: «Божество — тень Человека в зеркале Вселенной. (Бог — Природа.) Природа — Гипноз» и т. д. (Собрание стихотворений. С. 125).

В 1914 К. И. Чуковский провозгласил конец эгофутуризма, заявив, что Г. — «переодетый Крученых», т. е. кубофутурист (Эгофутуристы и кубофутуристы // Лит.-худож. альм. изд-ва «Шиповник». СПб., 1914. Кн. 22. С. 120). После своей **«Поэмы Конца»** и самоубийства Игнатьева в янв. 1914 Г., которого отличала установка на непрерывное обновление своего творческого облика, также считал эгофутуризм в какой-то мере исчерпанным, но никогда не причислял себя к «замумникам» вроде А. Е. Крученых. Он стремился к неожиданным сочетаниям слов, их частей, к приданию выразительности буквам, но с целью новых смысловых ассоциаций, а не поглощения смысла звуком. В знаменитой книге однострочных «поэм» (по-французски «поэма» — стихотворение) «Смерть искусству», как автор писал Н. И. Харджиеву, «никаких выдуманных слов нет! Например, слово „буба“ — это любое зерно... в общем — круглое» (ср. «бублик»). Имелась в виду поэма 9 — «Бубая горя»: «Буба. Буба. Буба» (Собр. стихотворений. С. 20; Бирюков С.— С. 61).

Г. использовал просторечие, диалектизмы, трансформированную образность фольклора и архаической словесности, напр., в стих. **«Козий слаш»** (своего рода футуристическая пастораль), **«Гурейка проклепушков. Паузная поэза»** (напечатана под псевдонимом Жозефина Гант Д'Орсайль — тогда широко рекламировалась парфюмерия фирмы «Орсайль»), **«Маршегробая пенька моя на мне»** («Крылобрат! Водопад!..») — трехсложниковая метризованная проза, тяготеющая к соизмеримости колонов) и др. О строчках «Уверхаю лёто на

муравой / Крыло уверхаю по зеленке» (**«Летана»**) Г. сообщал Харджиеву: «Уверхаю» обозначает «улетаю вверх», а «крыло» — «крылато» (Собрание стихотворений. С. 31, 140). Пространное стих. **«Свирельга»** было в «Смерти искусству» как бы сжато в одноименную поэму 3: «Разломчено — Просторечевье... Мхи-Звукопас», как «Козий слаш» — в поэму 2 «К_злю»: «Бубчиги Козлевая — Сиреня. Скрымь Солнца» (Бирюков С.— С. 61; Собрание стихотворений. С. 146). В стих. **«Птьюкмонь»**, **«Первовеликодрама»**, якобы написанном для театральной постановки («происходить без помощи бездарей Станиславских прочи»), **«Зубатыйволк»**, **«Вчера»**, в значительной части — **«Хитрая мораль»** и **«Азбука вступающим»** строки-стихи не членятся на слова, как в древнерусских скорописных текстах, необычно используются непроизносимые буквы. У французских символистов (из которых он особенно выделял А. Рембо) Г. заимствовал прописные буквы в середине строки. Экспериментируя также с украинской лексикой, Г. делает вывод: «Шекспир и Байрон владели совместно / 80 тысячами слов — / Гениальнейший поэт Будущего / Василий Гнедов ежеминутно / Владеет 8000.000.000.001 квадратных слов» (**«Огняна свита»**).

В двух «поэмах» Г. свел текст не только к одной строке-слову, но и к одной букве: «У — » (поэма 11 «Поюй») и «Ю» (безымянная поэма 14, читавшаяся вслух с особым нажимом). В превращении букв в отдельные «поэмы» — «исток использования разного шрифта и шрифтового монтажа в дальнейших изданиях русских футуристов» (ком. С. Сигея. С. 141). И «обилие тире он считал отличительной особенностью новейшей литературы» (Там же. С. 142), но в позднем творчестве отказался соблюдать пунктуацию. «В связи с поэмой Поюй можно задать и... вопрос: какое воздействие на Гнедова оказал Лоренс Стерн со своим фью — — — в конце Тристрама Шенди и пустыми его страницами?» (Там же. С. 148). В поэме 15, замыкающей «Смерть искусству», конец словесного искусства демонстрировался названием «Поэма Конца» и чистой страницей после него. По свидетельствам современников, в т. ч. автора предисл. к «Смерти искусству» Игнатьева, Г. демонстрировал «Поэму Конца» «ритмодвижением», жестом (вероятно, варьировавшимся). Такое воплощение традиционной поэтической темы невыразимого при анти-традиционалистской установке отражало вместе с тем тяготение футуристов и вообще Серебряного века к синтезу видов искусства

и иных сфер человеческой практики. Через 60 лет Г. утверждал свое превосходство над автором книги «Простое как мычание» В. Маяковским: «Сильнее огня и слова только молчание / Превращенное мною в Поэму Конца / Склонится перед ним Коровье мычание / И заиграет солнце новорожденного птенца» («**Какое самое сильное слово?..**»); заключение в духе футуристической поэтизации примитива и провозглашения абсолютно нового мира. В раннем неопубликованном при жизни стих. «**а Ла тырь...**» Г. обратился к чисто визуальной поэзии, которой уделил некоторое внимание и позднее.

В 1924 заглавие «Поэма Конца» дала своему произведению М. Цветаева, упомянувшая в нем «поэтов хлебниковской поры».

После «Поэмы Конца» Г. написал совсем не футуристическую «**Печальную сказку**» (1913) с рефреном «Умер бедный поэт! Умер бедный поэт!». Позднейшая его поэзия неоднородна, но творческим принципам молодости Г. никогда не изменял. 23 февр. 1914 в «Бродячей собаке» состоялся «вечер великопостной магии», сбор от которого получил Г. на лечение в Крыму. Около 5 месяцев он жил в Ялте на иждивении композитора Н. Роллава, положившего на атональную музыку его стих. «**Кук**». Затем на даче, снятой последним в Полтавской губ., они вместе работали над оперой «Семигорбый верблюд» (либретто не сохранилось). В авг. 1914 Г. был мобилизован в ополчение. 2 года воевал ратником в Буковине и Галиции, получил Георгиевскую медаль. В 1916 из окопов отправлен в Чугуевское военное училище. 1 февр. 1917 прапорщик Г. назначен в Москву, где примкнул к революционным солдатам, стал начальником караулов арсенала Кремля. В окт. участвовал в боях с юнкерами, был контужен и ранен в плечо, тяжело болел. Написанное в октябрьские дни стих. «**Роют вам могилу боги...**» завершается словами о «луже свиной», которой «поклоняются» разграбившие винные погреба восставшие. Сотрудничество с советской печатью у Г. не налажилось. Есть свидетельство о сожжении им написанной в те годы книги стихов. Он жил в Москве в Сокольниках, был народным судьей этого района. Дружил с поэтами Д. В. Петровским и В. В. Каменским. В 1921 жена, революционерка О. В. Пилацкая (вдова секретаря Московского горкома РКП(б) В. М. Загорского), увезла больного Г. в Лукьяновский у. Нижегородской губ., а через 2 года в Днепропетровск. Прежние связи поэт утратил. В 1925 вступил в ВКП(б), в 1930 окончил технологический ин-т в Харькове, работал инженером.

В 1936 вместе с Пилацкой был арестован и провел в заключении около 20 лет, но, возможно, с перерывом: он был в Москве в 1947 и, в восторге от посещения бара (если это не вымысел), написал стих., славящее как «нектар» обыкновенное пиво; восторг перед всем, чего лишен заключенный, становится одним из отличительных признаков его поздней поэзии, отражающей стремление автора взять от оставшейся жизни максимум доступного («**Каждый миг теперь ценить я буду...**», 1964, и др.).

Вероятно, ранний архив Г. погиб при аресте. Известно, что несколько стих. он написал в 1938 в киевской тюрьме. Основная масса его сохранившихся поздних стихов датирована начиная с 1962–63. Г. пишет о поэзии и вдохновении, создает пейзажные стихи, в т. ч. с домыслом («**Перед моим окном Венеция...**»), взамен прежнего футуристического антиэстетизма иногда прибегает к подчеркнутому эстетизму («**Японские женщины с голосами цикад...**»), создает любовную лирику («**Цветок для тебя раскрывает глаза...**», «**Ты одна моя Марица...**» и др.). Г. мечтает о втором рождении на свет, чтобы «вновь толкнуть его своим плечом» («**Обманывать себя напрасно не годится...**», 1974), мысленно проникает в микромир («**Материя пустот не любит...**», 1972) и неоднократно — в макромир, в космос; этот вселенский размах связан и с тем, что в других мирах нет палачей и тюрем («**За собой потянем мир...**», 1975). Немало стихов — на политические темы. Г. видел «любовь к диктаторам бестий прожженных» («**Живому живой воздвигнул памятник...**»), «сплошной парад» нашей жизни — в 1965 он полагает, что нам «реподнесут лишь кока-колу / Избитых подленьких цитат» («**Никак я не могу воскреснуть...**»), в 1966 констатирует, по сути, бюрократический застой: «Забыты героические деи / Застыли в канцелярских мордах» («**Но где же вещи идеи...**»); тогда же недвусмысленно отзывается о коммунистических руководителях: «...Черви червей бумерангом родили / Называли себя вождями» («**Мочью сплошной пропахли постели...**»).

Поздние стихи поэта нередко построены на алогизмах, встречается повторное влияние И. Северянина, но признаки собственной ранней манеры не исчезают при всех трансформациях; напр., в середине 1960-х: «Нет ничего зеленее солнца / Нет ничего голубее луны / Скажите какого цвета спростонца / И какого цвета у швейцара галуны». Неоднократно обыгрывается имя-псевдоним «Васи-

лиск»: «**Поднимите мне веки...**» (1966) — намек на гоголевского Вия, явно отождествляемого здесь с Василиском. Своеобразно обращение к Пушкину: «„Буря мглою небо кроет“ / И село стоит во тьме / Неподвижное такое / И застывшее в тюрьме». Читательские интересы Г. выражает пометка на обороте одного стих. 1965: «Кafka, Камю, Селин, Джойс, Генри Джеймс, Олдингтон, Достоевский» (Сигей С. // Poesie: Собр. стихотворений. Trento, 1992. С. 27). Но вне конкуренции для Г. оставались футуристы. С К. И. Чуковским, хоронившим эгофутуризм еще в 1914, он спорил в 1973: «Вечная жизнь готова / Бригаде Василиска Гнедова / Самореклама прогресс / Не положишь язык под пресс / Пример тому Маяковский / Хлебников Давид Бурлюк / Болливый Корней Чуковский / Ничего не спрячешь в люк...» Г. заявляет себя гражданином всей Вселенной и Председателем земного шара, как его назвал, наряду с собой, В. Хлебников («**Встречаю свой возраст не розовым...**», 1975; «**Жалею, что на голове моей торчат волосы...**», 1976).

Г.-версификатор полностью свободен (как и в стилистике) от любых норм и ограничений. Есть у него и стих. в прозе «**Сугубенно-научновастистая аргументированность...**», и позднейший (1965) моностих «**Бушующее будущее опыляю**»; двустрочная миниатюра «Вы можете различить по звуку, / Как пахнет поцелуй?» (1974) предвосхищает распространившиеся позднее кратчайшие верлибры (и отличается образной синестезией). Но российскому читателю творчество Г. пока практически неизвестно.

После реабилитации поэт жил в Киеве, стараясь каждое лето бывать в санатории или доме отдыха на море; последние годы — в Херсоне, где и скончался, незадолго до того похоронив свою вторую жену М. Н. Соболевскую. Прежние знакомые — В. Б. Шкловский, С. П. Бобров — отношений с Г. возобновить не пожелали, он общался главным образом с Н. И. Харджиевым (в т. ч. в форме стихотворной переписки), которому и были переданы по завещанию сохранившиеся рукописи. Большая часть архива Г. хранится в отделе рукописей московского Музея Маяковского.

Соч.: Poesie: Собр. стихотворений / под ред. Н. Харджиева и М. Марцадури; вступ. статья, подгот. текста и комм. С. Сигей. Trento, 1992; Смерть искусства: Пятнадцать (15) поэм. 1913. М., 1996.

Лит.: Закржевский А. Рыцари безумия (Футуристы). Киев, 1914; Харджиев Н. Памяти Василиска Гнедова // Ricerche slavistiche. 1980–81. Vol. 27–28; Сигов С. Эго-

футурналия Василиска Гнедова // Russian Literature. Vol. 8–1. Amsterdam, 1986; Айги Г. Василиск Гнедов // В мире книг. 1989. № 2; Бирюков С. Зевгма: Русская поэзия от маньеризма до постмодернизма. М., 1994; Кузьмин Д. Отдельно взятый стих прекрасен // Арион. 1996. № 2; Шмидт Э. Василиск Гнедов: На краю молчания // Новое лит. обозрение. 1998. № 33(5).

С. И. Кормилов

ГОЛЕНИЦЕВ-КУТУЗОВ Илья Николаевич (псевдоним Андрей Прокшин) [12(25).4.1904, с. Наталино Пензенской губ., позднее Саратовской обл.— 26.4.1969, Москва; похоронен в пос. Переделкино на писательском кладбище] — поэт, прозаик, лит. критик, переводчик, историк лит-ры.

Из дворян, правнучатый племянник фельдмаршала М. И. Кутузова. Отец — полковник в отставке, в Гражданской войне не участвовал, эмигрировал с женой и сыном осенью 1920. Детские годы Г.-К. прошли в Симферополе, где он учился в гимназии. В 1921 окончил в Белграде 1-ю русско-сербскую гимназию, затем Белградский ун-т по специальности романская филология. Университетским учителем был Е. В. Аничков. Последователь сравнительно-исторического метода А. Н. Веселовского, он оказал решающее влияние на науч. интересы Г.-К. В то же

И. Н. Голеницев-Кутузов